

Я увернулся от камешка, который ликующий Какаши бросил мне в левый висок, чтобы проверить мою "ситуационную осведомленность", в то время как я уклонился от второго, который предназначался для моей коленной чашечки, используя это движение, чтобы наклониться и схватить другую траву.

Кабуто довольно быстро научился использовать струны чакры для поддержки своих сюрикен-дзюцу, а нас с Неджи постоянно подгоняли, благодаря тому, что мы избежали смерти от нашего джонина-сенсея.

Я вливал чакру в свою систему и успокаивал её на одно мгновение, прорываясь сквозь иллюзию, в которую меня пытался заманить Какаши, даже не нарушая ритма: сгиб, захват, тяга, сгиб, захват, тяга. И пока я работал, я уделял минимальное, но необходимое количество внимания действиям Какаши, и в то же время, как я думал, пытался понять смысл моей ситуации. Пошел ты, Какаши.

Было два способа привести тело в форму: первый - путь Майто Гая, который заключался в поднятии валунов, отжиманиях и множестве утомительных упражнений, направленных на развитие определенных групп мышц.

Второй способ: обучение через бой. В конце каждого дня у меня болели мышцы. Мои руки болели из-за количества знаков руками, которые я постоянно выполнял в надежде получить преимущество над Какаши, мои ноги словно превратились в кашу из-за огромного количества ударов, которые я наносил, из-за тех часов, которые я провел, пытаюсь избежать атак моего сенсея. Мои плечи плакали, потому что каждый день я чуть не вывихивал их, пытаюсь вытащить себя или своих товарищей по команде с линии огня. Мои глаза либо чесались, либо горели, просто из-за постоянного использования и количества чакры, которую я пропускал через них, пока прокладывал свой путь через искусство визуального гендзюцу.

Помимо адских тренировок, которые, по сути, были лагерем выживания, наши D-ранги были поводом постоянно держать нас в напряжении. Я увернулся от очередного камешка, выхватил из воздуха второй и бросил его в спину Кабуто, где он столкнулся с другим снарядом, который шпион с круглыми глазами пропустил. Вздохнув, я вернулся к своим размышлениям, не обращая внимания на солнце, бьющее мне в спину, и волосы длиной до плеч, прилипшие к коже из-за пота.

Гендзюцу было любопытной и странной штукой. Направлять чакру через тело можно было простым усилием воли, а в процессе тренировок собственное тело и чакра адаптировались к требованиям, которые ты предъявлял: кости становились прочнее, мышцы крепче, связки обретали идеальный баланс между резиноподобностью и устойчивостью к разрывам.

Когда я упирался в стены, я не направлял чакру через серию очень специфических команд, я просто толкал ее в нужные места и регулировал количество, следя за тем, чтобы это было правильное соотношение для достижения того, что мне нужно. При выполнении дзюцу, если не принимать во внимание безумно хороший контроль над огнем, большая часть техники заключалась в том, чтобы создать и отпустить огонь. Я манипулировал огнем, втягивая, выталкивая или скручивая собственную чакру. Все это было инстинктивно, и команды

отдавались эхом в моей чакре, следуя моей воле.

Но один огненный шар не превращался в дождь мелких угольков, потому что я представлял это в своей голове. Точнее, превращался, но для достижения этого эффекта я вручную управлял своей чакрой, и путем проб и ошибок я выяснил, какие действия с моей чакрой приводят к желаемому результату.

Однако гендзюцу было одновременно и намного проще, и намного сложнее, чем ниндзюцу: для создания иллюзий не нужно было манипулировать чакрой вне системы чакры. Когда я выполнял гендзюцу, мне нужно было просто представить себе ситуацию, которую я хотел передать иллюзией, четко держать это в уме, сохраняя контроль над своим телом, осознавая реальное окружение, и пронести свою чакру по путям моей цели.

Когда я говорил, что представляю, что должна передать моя иллюзия, я имел в виду "представить в точности каждую деталь". Потому что как только жертва замечала деталь, которая не могла быть реальной, выяснялось, что это иллюзия, а самая большая часть любой иллюзии заключалась в том, что цель не знала, что находится внутри нее.

Шаринган наделил меня идеальной зрительной памятью, а люди склонны ориентироваться исключительно на зрение. Основная часть моей работы с иллюзиями заключалась в том, чтобы создать в своем воображении сцену, в которой осознание окружающей обстановки полностью соответствовало бы реальности. Люди от природы склонны верить в то, во что хотят, распознавать несуществующие закономерности просто потому, что ищут их, рационализировать, находить схемы. Когда я обманул цель, не подозревая о существовании иллюзии, большинство несоответствий было скрыто его разумом, как во сне, когда все имеет смысл, пока вы не проанализируете его после пробуждения.

Я упал на землю, пропуская трио снарядов над головой, и был вынужден оттолкнуться, когда еще один приземлился там, где мгновением раньше была моя голова. Пошел ты, Какаши.

Для визуального гендзюцу обязательно нужен был своего рода спусковой крючок: не было никаких знаков рукой, чтобы выдать мое применение, но мне нужен был момент, в который моя чакра могла бы проскользнуть по путям моего противника и применить иллюзию, которую я сплел в своей голове. Как только она приземлится должным образом, в идеале цель будет действовать на нее, подпитывая иллюзию своей собственной верой.

Если бы я сохранял зрительный контакт, то теоретически мог бы направлять гендзюцу в реальном времени со скоростью мысли. И это было основой Цукуёми, по крайней мере, основываясь на той полузадуманной теории, которую я предварительно построил.

В обычном гендзюцу знаки рук были необходимы для создания "обстановки" иллюзии, поэтому чакра противника выполняла основную работу по созданию любой фантазии. Помимо очевидного недостатка в знаках рук, которые не имели немедленного эффекта, этот метод был хуже, потому что им нельзя было так свободно манипулировать.

У меня была теория, что массовое гондзюцу запускалось через один элемент, который в той или иной степени наблюдали все цели. Это может быть звук рога или один фейерверк, который завораживает массы. В то же время волна тонкой, как бритва, чакры распространялась по объектам, проникая внутрь и используя триггер как основополагающий элемент иллюзии.

"Отлично", - голос Какаши прервал мои размышления, и, оглядевшись вокруг, я заметил, что солнце уже почти село, что означало, что мы работали большую часть дня, - "на сегодня ты закончил, завтра будешь тренироваться самостоятельно".

Я почувствовал, как мои плечи опустились от облегчения, но я сдержался, чтобы не выдать своей внутренней радости: Я не хотел давать Какаши повод подкинуть нам еще немного работы.

Как единое целое, Кабуто, Неджи и я вышли из неоправданно большого сада, который мы очистили от сорняков, изредка прихрамывая из-за камешков, которые ставили синяки, когда нам не удавалось увернуться.

Мы двигались с чакрой, текущей через наши конечности, перепрыгивая с крыши на крышу, избегая толпы гражданских и стараясь не шуметь, когда наши ноги ударялись о черепицу. Не стоит требовать от гражданских возмещения ущерба от разбитой черепицы, в конце концов, это разрушит образ совершенства шиноби листа, который так старалась поддерживать администрация Конохагакуре-но Сато.

Для ужина еще слишком рано, но я чертовски голоден. подумал я, старательно игнорируя ощущение мерзости, порожденное тем, что я весь в поту и грязи. Но опять же, я живу один, и завтра у меня нет тренировок. "Эй", - обратился я к своим товарищам по команде, которые остановились, хромая по дороге, чтобы послушать, что я собираюсь сказать: "Я голоден, пойдемте в лагерь Учиха, я сегодня готовлю".

"Прямо сейчас?" Кабуто поднял бровь, озадаченный моей внезапной спонтанностью. В конце концов, невозможно было скрыть, что я держусь отчужденно с другими генинами, слишком часто я открыто отказывался от возможности открыться или узнать друг друга получше. Но в этом не было ничего странного. Неджи нравился мне потому, что мы оба были вундеркиндами, а Ли и Тентен - из-за моего комплекса превосходства. По крайней мере, так сказал нам Какаши в первый день.